

ПРИМЕНЕНИЕ ДОКТРИН ЗАРУБЕЖНОГО КОРПОРАТИВНОГО ПРАВА В РОССИЙСКОЙ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

С. А. Шаипова

Адвокатская палата Московской области

Поступила в редакцию 17 июля 2018 г.

Аннотация: рассматриваются правовые доктрины, которые используются за рубежом и потенциально могли бы найти свое применение в российской судебной практике. Проанализирована специфика применения доктрины «снятия корпоративной вуали» и доктрины «группа компаний» в разных зарубежных юрисдикциях. Рассмотрены проблемы, возникающие при использовании данных доктрин в правоприменительной практике. Делается вывод о целесообразности инкорпорирования данных институтов в российскую систему права.

Ключевые слова: доктрина «снятия корпоративной вуали», доктрина «группа компаний», доктрины корпоративного права, ответственность контролирующих лиц, корпоративное право.

Abstract: some of the legal doctrines of corporate law that are applicable in foreign jurisdictions potentially may apply in Russian court practice. Such applicable legal doctrines are considered in this article. The author analyzes the specific characters of applying the doctrine of «piercing corporate veil» and the doctrine of «group of companies» in different foreign jurisdictions. The author handles problems that are arising in application of the doctrines in law enforcement practice. The conclusion of relevance of legislative restatement such institutions into the Russian law system is made on the basis of the analysis.

Key words: doctrine of «piercing corporate veil», doctrine of «group of companies», doctrines of corporate law, responsibility of controller of a company, corporate law.

Современный период характеризуется активным изменением гражданского законодательства. В связи с этим все более актуальным становится вопрос возможности применения иностранных правовых норм в отечественной юридической практике.

Данная тенденция в полной мере относится и к области корпоративного права. Здесь одной из актуальных является проблема привлечения к ответственности третьих лиц, действия которых привели к убыткам пострадавшего лица, но которые при этом не являлись непосредственной стороной заключенного договора.

В иностранных правовых порядках существует целый ряд инструментов, которые используют государственные суды и арбитражи. Это, например, доктрина «снятия корпоративной вуали», доктрина «группа компаний», теория агентских отношений, теория преемственности, эстопшел и соответствующие доктрины, подразумеваемое согласие и др. С учетом сложившейся корпоративной практики наиболее интересными для оте-

чественного правоприменения являются первые две доктрины. Именно они будут рассматриваться в данной статье.

Доктрина «снятия корпоративной вуали» стала предметом обсуждения в юридическом сообществе после внесения в Гражданский кодекс РФ Федеральным законом от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ¹ осенних поправок. В частности, появилась возможность привлечения лиц, которые в силу закона или учредительных документов юридического лица выступают от его имени, к ответственности за причинение убытков компании вследствие неразумных и недобросовестных действий. Уникальность доктрины «снятия корпоративной вуали» состоит в том, что она противоречит «принципу отделения», который составляет «последовательное отделение юридической личности (самостоятельной правосубъектности) и имущества корпорации от личности и имущества ее участников»².

В Российской Федерации данная идея нашла свое выражение в следующих положениях:

1. Основное хозяйственное товарищество или общество несет солидарную ответственность с дочерним обществом по сделкам, заключенным последним, во исполнение указаний или с согласия основного хозяйственного товарищества или общества, за исключением случаев голосования основного хозяйственного товарищества или общества по вопросу об одобрении сделки на общем собрании участников дочернего общества, а также одобрения сделки органом управления основного хозяйственного общества, если необходимость такого одобрения предусмотрена уставом дочернего и (или) основного общества.

2. В случае несостоятельности (банкротства) дочернего общества по вине основного хозяйственного товарищества или общества последнее несет субсидиарную ответственность по его долгам³. Более того, участники дочернего общества вправе требовать возмещения основным обществом убытков, причиненных по его вине дочернему обществу⁴. Законодательство о банкротстве предусматривает также некоторые случаи привлечения к субсидиарной ответственности по обязательствам должника его руководителей или контролирующих должника лиц.

В настоящее время применение рассматриваемой доктрины ограничивается этими положениями.

¹ О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации : федер. закон от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ (в ред. от 03.07.2016). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² *Суханов Е. А.* Ответственность участников корпорации по ее долгам в современном корпоративном праве // Проблемы современной цивилистики : сб. статей, посвященных памяти профессора С. М. Корнеева. М., 2013.

³ Пункт 2 ст. 67.3 ГК РФ ; п. 3 ст. 6 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» ; п. 3 ст. 6 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью».

⁴ Пункт 3 ст. 6 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах».

Порой проследить за действиями одного хозяйствующего субъекта бывает достаточно сложно, поэтому здесь можно говорить об основной цели правового регулирования деятельности корпоративных юридических лиц – «отслеживание возникновения отношений неравенства и возможное устранение его последствий для защиты интересов экономически подчиненных субъектов, их кредиторов, а также государственных интересов»⁵.

Существует судебная практика по данным делам, например известное в связи с этим дело банка «Парекс»⁶. В постановлении Пленума ВАС от 24 апреля 2012 г. № 16404/11 были определены два основных признака, установление которых дает основания суду для снятия корпоративного покрова. Это, во-первых, противоправная цель и, во-вторых, расхождение между формальными правоотношениями лица, в которых оно участвует, и его действительной ролью.

Однако стоит отметить, что, несмотря на наличие первых шагов в разработке данной доктрины в России, они пока еще не являются устойчивыми. Арбитражные суды в основном не стремятся применять доктрину по «заявленному и обоснованному» требованию стороны. Например, рассматривая подобное требование со стороны миноритариев Кировского завода, апелляционный суд сообщил истцам: «Применение при рассмотрении дела какой-либо доктрины в качестве отдельного процессуального действия АПК РФ не предусмотрено» (постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 1 октября 2012 г. по делу № А56-38334/2011)⁷.

Кроме того, как указывают специалисты международного частного права, дело банка «Парекс» нельзя назвать примером «снятия корпоративной вуали», поскольку там «речь вообще не шла о привлечении к ответственности каких-либо третьих лиц, за исключением самого «Парекс Банка»⁸.

Это также объясняется тем, что принято разграничивать «подлинное», «настоящее» прокалывание корпоративной вуали, т. е. узкое содержание данного понятия, и «ненастоящее», или широкое содержание понятия.

Как указывают зарубежные исследователи, «к подлинному снятию корпоративных покровов следует относить только такие случаи, когда участник несет перед кредиторами юридического лица непосредствен-

⁵ Шиткина И. С. «Снятие корпоративной вуали» в российском праве : правовое регулирование и практика применения // Хозяйство и право. 2013. № 2. С. 4.

⁶ Постановление Президиума ВАС РФ от 24.04.2012 № 16404/11 по делу № А40-21127/11-98-184.

⁷ Будылин С. Л., Иванец Ю. Л. Срывая покровы. Доктрина снятия корпоративной вуали в зарубежных странах и в России // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2013. № 7. URL: http://www.roche-duffay.ru/articles/corporate_veil.htm

⁸ Асосков А. В. Коллизионное регулирование снятия корпоративных покровов // Вестник гражданского права. 2013. № 5. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ную персональную ответственность по обязательствам юридического лица, причем у данного участника не возникает самостоятельного обязательства, основанного на договоре или законе»⁹.

Таким образом, содержание данной доктрины не является общеустановившимся и интерпретируется в каждом правопорядке по-своему.

Ее происхождение также различно в странах англо-саксонской и романо-германской правовых систем, однако ключевая идея остается неизменной в каждом из случаев ее применения.

Поскольку в странах романо-германской правовой системы прецедент не выступает в качестве источника (формы) права, то возложение ответственности по обязательствам на контролирующих лиц может быть предусмотрено исключительно законом. Например, закон об акционерных обществах предусматривает некоторые случаи ответственности участников обществ при объединении обществ в группы, в которых одно общество контролируется другим на основании договора подчинения. Как указывает Е. А. Суханов, «в Германии доктрина «снятия корпоративной вуали» обычно применяется в случаях привлечения к ответственности участников компании по ее долгам: 1) при прямой ответственности единственного участника хозяйственного общества (или участника, фактически полностью контролирующего его деятельность); 2) при ответственности материнской компании по долгам «дочерней»; 3) при дополнительной ответственности участника корпорации по ее долгам в случае ее банкротства. Применение «проникающей ответственности» обосновывается разнообразными мотивами, в частности недобросовестным поведением, злоупотреблением правом и несоблюдением общего запрета нарушать «принцип доброй совести»¹⁰.

Из вышеприведенных решений становится ясно, что данная доктрина открывает возможность «отождествления» компании и контролирующих его лиц, в первую очередь с целью защиты прав кредиторов.

Несмотря на то что доктрина зародилась в странах общего права, англо-американское право не дает определенного ответа на вопрос, когда и почему корпоративный покров должен быть снят. Различные юрисдикции вырабатывают свои критерии для применения доктрины.

Например, в США был выработан «двухкомпонентный тест»: стоит доказать, что: 1) владелец полностью доминировал над корпорацией в отношении рассматриваемой сделки и 2) это доминирование использовалось для обмана или правонарушения, которое причинило ущерб стороне, требующей «снятия вуали»¹¹. На усмотрение суда остается оценка и установление фактов «доминирования», при этом суды учитывают следующее: располагает ли корпорация достаточным капиталом; использу-

⁹ Aukhatov A. Durchgriffs- und Existenzvernichtungshaftung im deutschen und russischen Sach- und Kollisionsrecht. Tübingen, 2009. P. 24–28 (цит. по: Аскоков А. В. Указ. соч.).

¹⁰ Суханов Е. А. Указ. соч.

¹¹ См.: Будылин С. Л., Иванец Ю. Л. Указ. соч.

ются ли средства корпорации для личных, а не корпоративных целей; в случае двух организаций – имеются ли пересечения в части владельцев, директоров, работников; используют ли две организации одно офисное пространство, адрес, номера телефонов; степень собственного коммерческого усмотрения, демонстрируемого подконтрольной корпорацией; совершаются ли сделки с подконтрольной корпорацией на принципах «вытянутой руки» (т. е. на тех же условиях, что и с независимыми контрагентами); есть ли у корпорации имущество, которое используется контролирующим лицом, как если бы оно было его собственным, и т. д.

В Англии, например, судья Макхью (McHugh) в деле *Laya v. Erin Homes, Inc.* привел перечень некоторых типичных критериев, которые обсуждаются в практике в тех случаях, когда речь идет о вопросе допустимости «снятия корпоративного покрова»: 1) смешано ли имущество компании с частным имуществом участника; 2) использовалось ли имущество компании для частных целей участника; 3) использовалась ли компания лишь как оболочка (shell, conduct) для ведения дел (или части дел) отдельных (физических или юридических) лиц; 4) были ли активы корпорации выведены оттуда в пользу участника или иного физического или юридического лица в ущерб кредиторам или были ли активы и пассивы распределены между несколькими предприятиями таким образом, чтобы все активы концентрировались на одной стороне, а все пассивы – на другой¹².

В деле *Hashem v Shayif*¹³ суд пришел к таким выводам: владение и контроль не являются достаточными критериями для «снятия корпоративной вуали»; «корпоративная вуаль» может быть снята, только если имеет место недобросовестность, которая должна быть связана с использованием корпоративной структуры для избежания или сокрытия ответственности; для «снятия корпоративной вуали» необходимо доказать одновременно и наличие контроля, и наличие недобросовестности.

То есть это позволяет сделать вывод, что универсального однозначного правила применения доктрины «снятия корпоративной вуали» не существует, каждый случай разрешается индивидуально, исходя из соображений разумности и справедливости.

Более того, по мнению автора, данная доктрина не может использоваться как самостоятельное особое основание для иска, она является процессуальной мерой, позволяющей привлечь нового ответчика по иску, имеющему свои собственные правовые основания (взыскание долга, возмещение вреда и т. д.).

Еще одним инструментом привлечения «реального» ответчика в процесс является доктрина «группа компаний». Если компания, которая является частью концерна или субъектом управления корпоративного парт-

¹² См.: *Arnim C. von.* Op. cit. S. 1006 ; *Merkt H., Gothel S. R.* Op. cit. P. 239–240. См. также: *Vainbridge S. M.* Abolishing Veil Piercing. P. 40–41.

¹³ Высокий Суд Англии и Уэльса. *Hashem v Shayif & Anor* [2008] EWHC 2380 (Fam).

нера, не исполняет полностью или частично заключенный договор, то контрагент может привлечь к ответственности не саму эту организацию, а контролирующую ее¹⁴. Данная доктрина появилась и развилась в контексте арбитража и, как правило, до сих пор не выходит за его пределы, поскольку была принята лишь некоторыми юрисдикциями¹⁵, среди них: Франция, в делах которой впервые был предпринят данный подход, а также Сингапур, Египет, Швейцария¹⁶.

Главный вопрос заключается в следующем: если арбитражное соглашение было заключено компанией, входящей в «группу компаний», то распространяется ли действие арбитражной оговорки на не подписавшего субъекта этой же группы компаний? В некоторых арбитражных решениях ответ на этот вопрос разрешался положительно¹⁷, в других – наоборот¹⁸.

Основной задачей является выяснение объективных и субъективных намерений сторон при заключении конкретной сделки, в частности определение намерения контролирующей стороны, формально не подписавшей договор, быть связанной им. То есть следует, например, определить, образуют ли компании «группу», взаимосвязи в которой подтверждают «единую экономическую реальность»; придает ли контрагент существенное значение тому, с какой компанией он входит в переговорный процесс и заключает соглашение; какую роль играет дочерняя компания в переговорном процессе и в последующем исполнении обязательств по договору; какова степень контроля материнской организации. Кроме того, наличие этих критериев необходимо проследить на протяжении всего существования договорных отношений. В связи с этим следует также оценить, как стороны взаимодействовали до заключения конкретного договора, например были ли ранее между ними соглашения по поводу другого предмета.

Отдельной особенностью применения данной доктрины является то, что в ее основе в большей степени лежат обычаи, чем нормативные документы. Ввиду этого появляется множество дискуссионных проблем. Некоторые суды не только не используют ее, но и относятся к ней враждебно.

¹⁴ См.: Gary B. Born, *International Commercial Arbitration*, Second Edition (© Kluwer Law International; Kluwer Law International 2014) Chapter 10: Parties to International Arbitration Agreements p. 1420.

¹⁵ G. Wegen & S. Wilske (eds.), *Getting the Deal Through: Arbitration in 55 Jurisdictions Worldwide*. 2013.

¹⁶ См.: James J., Ridgeon B. Arbitration agreements becoming involved dispute not being a party. URL: <http://www.nortonrosefulbright.com/files/20141002-arbitration-agreements-121532.pdf>

¹⁷ См.: Paulsson J. Third World Participation in International Investment Arbitration, 2 ICSID Rev. Foreign Inv. L.J. 19, 25-26 (1987). URL: <https://academic.oup.com/icsidreview/article-abstract/2/1/19/652520/Third-World-Participation-in-International?redirectedFrom=fulltext>

¹⁸ Roussel-Uclaf v. Searle & Co., [1978] 1 Lloyd's Rep. 231, 232, reprinted in 4 Y.B. Com. Arb. 317 (320).

Без всяких сомнений, доктрина «группа компаний» должна применяться с осторожностью. Основной фактор, позволяющий ее применять, должен заключаться в участии юридического лица в действительной «группе компаний». Группа компаний должна не просто существовать, но и, что важно, стороны должны быть вовлечены в проведение переговоров или исполнение соответствующих положений договора, или выступать с соответствующими заявлениями, свидетельствующими о намерении, объективно и добросовестно быть связанными договором, даже за отсутствием их подписи под ним.

Стоит отметить, что учение «группы компаний» не может выходить за пределы ситуации, когда существовало желание противоположной стороны намеренно заключить договор не с контролируемой компанией, а с контролирующей. В данном случае можно рассматривать это как умышленное злоупотребления правом, которое идет вразрез с принципами добросовестности и справедливости¹⁹.

Как указывают Гарри Борн и ряд других авторов, основная цель доктрины – выявить действительное намерение сторон. Это делает ее похожей на доктрину «подразумеваемого согласия» и отличает от доктрины «снятия корпоративной вуали», в которой по факту оказывается, что не «существует» реальной организации, которая самостоятельно приобретает гражданские права и осуществляет гражданские обязанности, поскольку она выступает своего рода марионеткой, чья воля подконтрольна другому лицу.

В отличие от «снятия корпоративной вуали» при рассмотрении критериев для применения «группы компаний» важно отметить, что стороны соглашений вполне реальны, а вопрос о ее применении обычно рассматривается в контексте привлечения компании в процесс, распространения на нее действия арбитражного соглашения. Таким образом, вполне возможно, для «не подписавших» стать участниками, например, соглашения об арбитраже, не становясь при этом участником основного коммерческого контракта, в то время как при «срывании корпоративных покровов» лицо становится именно участником договора и несет ответственность за ненадлежащее исполнение обязательств.

Таким образом, нами были рассмотрены две доктрины зарубежного права, которые могут быть применены в отечественной арбитражной практике. Доктрина «снятия корпоративной вуали» в настоящее время в практике российских судов используется крайне редко. Однако наблюдается тенденция к возрастанию ее востребованности среди судейского корпуса. Важно отметить, что данный институт должен применяться исключительно для недопущения безграничной безответственности за недобросовестные действия учредителей (участников) корпорации, а не для постоянного «нарушения» принципа имущественной самостоятельности

¹⁹ См.: *Vidal D. The Extension of Arbitration Agreements Within Groups of Companies: The Alter Ego Doctrine in Arbitral and Court Decisions // ICC International Court of Arbitration Bulletin. 2005. Vol. 16, № 2.*

юридического лица и принципа «отделения» имущества корпорации от имущества самих участников корпорации.

Вторая из описываемых доктрин пока не находит своего применения в практике российских судов. Доктрину «группа компаний» можно рассматривать как частное проявление «снятия корпоративной вуали», с учетом рассмотрения последней в широком значении. Обе эти доктрины направлены на привлечение в процесс иного субъекта, который участвовал в формировании договорных отношений не прямым, а косвенным способом.

Адвокатская палата Московской области

Шаипова С. А., кандидат экономических наук, доцент, адвокат

E-mail: shaipovasvetlana@ya.ru

The Chamber of Advocates of the Moscow Region

Shaipova S. A., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Attorney

E-mail: shaipovasvetlana@ya.ru